

оригинальная статья

Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав, численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных административных процессов

Бобров Денис Сергеевич

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

bds-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.01.2022. Принята после рецензирования 12.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Цель статьи – анализ состава, динамики численности, направлений профессиональной деятельности и подведомственности служилой корпорации Кузнецкого уезда в переломный для нее период – первую половину XVIII в., когда углубление освоенческого процесса в южные приграничные районы Западной Сибири вызвало в регионе ощутимые административные трансформации. Даны замечания о характере источниковой базы исследования – делопроизводственных материалов и учетной документации из фондов Российского государственного архива древних актов. Освещена структура служебной деятельности иррегулярных военных, затрагиваются практики ординарных командировок в приграничные районы для береговой службы и экстраординарных – для строительства новых укреплений. Показано, что кузнецкая служилая корпорация пыталась различными путями уменьшить возлагавшуюся на нее административную нагрузку. На основе приведенных количественных сведений обоснован тезис о постепенном сокращении штатного расписания и фактической численности служилого корпуса уезда под влиянием изменения военно-политической обстановки и пертурбаций в системе управления. Резюмируется, что к середине 1740-х гг. местные гражданские власти в значительной степени утратили фактический контроль над служилыми людьми, который перешел в руки военно-ведомственных структур.

Ключевые слова: служилая корпорация, иррегулярные войска, годовальщики, воеводы, гарнизоны, Новоучрежденный драгунский полк, Западная Сибирь, Кузнецкий уезд

Цитирование: Бобров Д. С. Корпус служилых людей Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в.: состав, численность и направления служебной деятельности в зеркале региональных административных процессов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 5. С. 567–575. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-567-575>

full article

Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes

Denis S. Bobrov

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>

bds-eureka@yandex.ru

Received 31 Jan 2022. Accepted after peer review 12 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The article features the staff, manpower, occupation, and subordination issues in the military corps of the Kuznetsk district in the first half of the XVIII century. The frontier exploration into the southern border regions of Western Siberia caused administrative transformations in the region. The research relied on management and accounting documentation from the Russian State Archive of Ancient Acts. The author reviewed the structure of the service activities of the irregular military corps, which included both ordinary assignments to the border area for riverside patrol and extraordinary assignments for the construction of new fortifications. The Kuznetsk authorities did their best to reduce the administrative burden. The archival documents prove that the actual number of the military people in the district reduced as a result of the changes in the military, political, and management situation. By the mid 1740s, the local civil authorities had completely lost administrative control over the military staff, which passed into the hands of military departmental structures.

Keywords: service class people, irregular troops, one-year service soldiers, governor of province, garrisons, newly formed dragoon regiment, Western Siberia, Kuznetsk district

Citation: Bobrov D. S. Military Corps of the Kuznetsk District in the First Half of the XVIII Century: Staff, Manpower, and Occupation in the Context of Regional Administrative Processes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(5): 567–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-5-567-575>

Введение

Формирование служилого мира Сибири вызывает устойчивый интерес не одного поколения историков. В большинстве административных частей региона этот процесс практически полностью завершился в XVII в. Первая половина XVIII в. стала во многом поворотным временем для служилых людей Притомыя и Верхнего Приобья, один из завершающих этапов эволюции их корпорации протекал на фоне интенсивных социальных и управленческих преобразований. С одной стороны, на протяжении этого периода Кузнецк перехватил у соседнего Томска стратегическую инициативу в освоении порубежных областей Западной Сибири и особенно предгорий Алтая, большая часть этих территорий вошла в состав Кузнецкого уезда. На это накладывался ощутимый и устойчивый приток русского населения в Иртышско-Енисейское междуречье, зафиксированный первыми ревизиями. С другой – резкое насыщение приграничных районов регулярными войсками, начавшееся во второй половине 1730-х гг., и последовавшие за этим административные пертурбации на региональном и местном уровнях способствовали кардинальным трансформациям служилой корпорации, ее размытию. В этом свете представляется, что различные проявления динамики корпуса служилых людей Кузнецкого уезда на протяжении первой половины XVIII в. изучены специалистами не в полной мере.

На фоне хрестоматийных исследований Н. И. Никитина [1] и Г. А. Леонтьевой [2] по истории служилого мира Сибири, стремящихся охватить широкий круг вопросов формирования соответствующей категории населения, ее государственного обеспечения и занятий, современная историография все больше внимания обращает на специфику складывания, динамику численности и состав гарнизонов уездных центров региона в XVII – первой трети XVIII в. [3–6]. Отдельные работы представляют собой попытку установления ключевых тенденций и принципов участия служилых людей в осуществлении власти на местном уровне [7]. Внушительной научной и эвристической значимостью обладает библиографический словарь служилых людей Сибири конца XVI – начала XVIII в., составленный коллективом новосибирских историков на основе архивов Д. Я. Резуна [8].

Определенные стороны истории корпуса служилых людей Кузнецкого уезда рассмотрены в многочисленных публикациях сибиреведов. В частности, Ю. С. Булыгиным [9], А. П. Уманским [10], А. Ю. Огурцовым [11; 12], С. Ю. Исуповым [13; 14], И. П. Каменецким [15], В. Б. Бородаевым

и А. В. Контевым [16] и др. раскрыта роль кузнецких и томских служилых людей в сооружении и охране русских военно-оборонительных укреплений в верховьях Оби и Иртыша в первой половине XVIII в. В более ранних наших работах освещены отдельные аспекты участия служилого корпуса Кузнецкого уезда в административной коммуникации и взаимодействии гражданских властей с частновладельческими горнозаводскими и военно-ведомственными структурами на юге Западной Сибири [17; 18]. А. А. Чурсина охарактеризовала место в аграрном и торгово-промышленном освоении Томско-Кузнецкого хозяйственного района служилого элемента и влияние на социальное состояние его потомков региональных тенденций экономического развития [19; 20]. Социально-политический статус городских казаков в регионе показан в исследованиях по истории казачества [21; 22].

Цель данной статьи – анализ состава, динамики численности, профессиональной деятельности и подведомственности служилых людей Кузнецкого уезда в контексте административных процессов на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. Источниковый корпус исследования базируется на материалах ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и отдельных опубликованных сведениях, приведенных в описании Кузнецкого уезда И. Шишковым (по анкетам В. Н. Татищева) [23, с. 148–208]. В подавляющей своей массе привлеченные документы представляют собой делопроизводственные материалы (указы воевод, доношения и т. д.) и учетную документацию (рапорты, ведомости численности иррегулярного войска).

При реконструкции заявленных аспектов истории корпуса кузнецких служилых людей следует учитывать ряд важных обстоятельств состояния и характера источниковой базы.

1. Доступные в РГАДА массивы документов кузнецкой администрации выгодно отличаются от фондов Томской уездной канцелярии или Енисейской провинциальной, где дела, связанные с первой половиной столетия, являются единичными.

2. В начале 1730-х гг. в Кузнецке, как и в некоторых других районах Сибири, законодательно посредством губернаторских и воеводских указов утвердилась практика регулярного составления ведомостей количественного состояния служилого корпуса (в рамках политики составления «генеральных» табелей на региональном уровне)¹. Периодичность

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

составления таких учетных документов выдерживалась далеко не всегда, имели место многочисленные задержки и срывы, ощутимая часть источников не сохранилась. Косвенно информация о численном составе иррегулярного войска отложилась в воеводских указах, распорядительной и инструктивной документации, где некоторые сведения из ведомостей и рапортов дублируются полностью или частично. Значимостью обладают даже черновые варианты соответствующих материалов, поскольку отсутствие очевидных исправлений в тексте указывает на определенную достоверность количественных показателей, не подвергавшихся коррективам.

3. Следует иметь в виду характер учетных документов, административный статус составлявших их лиц. Войсковые ведомости, составленные офицерами регулярных подразделений, зачастую содержат неполную или даже противоречивую информацию о состоянии иррегулярных частей (например, военными командирами в большинстве случаев не учитывались служилые татары в составе корпуса, что приводило к расхождению с количественными сведениями воеводской канцелярии). Наконец, на юге Западной Сибири в первой половине – середине XVIII в. в условиях дефицита воинских отрядов региональные и местные власти привлекали в иррегулярные подразделения на экстраординарной основе «выписных» (казаков): беломестных казаков, отставных солдат и др. Такие практики не всегда находили отражение в источниках.

Состав служилой корпорации, регулярные и экстраординарные службы

Социальный состав кузнецкого служилого корпуса первой половины XVIII в. был типичен для сибирских уездов: наряду с дворянами и детьми боярскими в него входили конные и пешие казаки, служилые татары (аналогичные социальные категории составляли костяк служилых корпораций в Тарском, Иркутском и др. уездах [2, с. 49–59; 3, с. 74, 79]).

Дворяне обладали особым статусом и играли важную роль в корпусе, им назначались наиболее значимые службы и поручения. Так, дворянин Андрей Муратов являлся одним из первых приказчиков Бикатунской крепости, командовал ее гарнизоном во время ойратского похода 1710 г., приведшего к уничтожению укрепления [16, с. 97–99]. Спустя почти десятилетие дворянин Иван Максюков руководил строительством Белоярского острога и после завершения работ передал контроль над округой приказчику – дворянину Степану Серебренникову [16, с. 218–221]. Петр Алексеевич Мельников несколько раз исполнял обязанности кузнецкого воеводы в ходе транзита власти глав уезда, в 1733–1734 гг. осуществил экспедиции в предгорья Алтая с целью установления наиболее оптимального варианта государственной границы [24], через несколько лет

на месте курировал приписку крестьян из округ Малышевой слободы и Белоярского острога к колыванским заводам, в середине 1740-х гг. пребывал в статусе казачьего головы².

Должность казачьего головы уезда в некоторых документах упоминается как «городничий»³. К его компетенции относилась организация снабжения порохом и артиллерийскими снарядами острогов и крепостей уезда, составление табелей и ведомостей состояния контингента служилых людей. Воеводы также стремились переложить на этих лиц ремонт укреплений⁴, определение персоналий для верстания в службу на освободившиеся места. Казачьему голове направлялись копии большинства указов. Интересно, как сама кузнецкая канцелярия представляла разграничение полномочий этого института с юрисдикцией главы уезда. При ответе на анкеты В. Н. Татищева значилось, что «дворяне и дети боярские под ведением воеводской канцелярии[и]», казачий же голова «определяется ис туточных дворян» и «над конными и пешими казаками имеет власть собственную в командировании[и], а со общения других советов не имеет», со слов местных чиновников он обладал правом суда над казаками, мог направлять команды для расследования преступлений в казачьей среде [23, с. 175]. Однако ключевая административная «воля» в организации кузнецкого служилого корпуса принадлежала воеводам: именно они санкционировали ту или иную службу, определяли численность команды для ее исполнения, кроме того, в руках главы уезда сосредотачивался суд над всеми без исключения категориями служилых людей.

Региональные и уездные власти стремились свести к минимуму верстание в службу представителей тягловых сословий (что, однако, получалось не всегда), замещая освободившиеся штатные позиции выходцами из казачьей среды. Это приводило к появлению в кузнецкой служилой корпорации династий, среди которых самыми известными для первой половины XVIII в. являются Буткеевы, Максюковы, Мельниковы, Рыхлевские и др. Несмотря на наличие между ними определенной конкуренции, открытые конфликты носили единичный характер [11, с. 9–10].

Особую категорию в структуре служилого корпуса составляли беломестные казаки, которые были выведены за штат. В Кузнецком уезде районами их постоянного проживания являлись административные округа Белоярского, Бердского и Мунгатского острогов. Эти беломестцы могли отбывать как рядовые, так и экстраординарные службы, в случае полного освобождения от которых такие казаки подлежали подушному сбору. Например, в 1717 г. кузнецкий воевода Борис Акимович Синявин приказал направить бердских беломестных казаков «на Кривошеков завод» (район строительства Белоярского острога) для разведки [16, с. 216]. Сами беломестцы стремились снизить уровень налоговой

² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 6; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 206. Л. 2–2 об.

³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 86. Л. 1, 7, 9.

⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 206. Л. 2–2 об.

и административной нагрузки на них, что вызывало откровенное недовольство местных крестьян⁵. К середине XVIII в. численность беломестных казаков в составе иррегулярных частей существенно возросла: в рапорте Ивана Борисова 1745 г. отмечалось наличие среди служилых команд Кузнецкого уезда 250 «выписных из крестьян казаков», 50 из которых дислоцировались в Кузнецке, еще столько же – в Бийске, по 40 человек было расквартировано в Белоярском и Бердском острогах, Малышевой слободе, 30 были направлены в Верх-Иртышские крепости⁶.

В структуре профессиональной деятельности кузнецких служилых людей наибольший удельный вес принадлежал ординарным (регулярным) и экстраординарным командировкам.

В рамках сложившихся в конце 1720-х гг. практик большинство командированных стабильно приходилось на две округи. Для охраны строившегося Кольвано-Воскресенского завода из Кузнецкого уезда изначально снаряжалось 20–30 казаков (в исключительных случаях – 60), однако по установленному сибирским вице-губернатором И. В. Болтиным в 1730 г. штатному расписанию численный состав таких отрядов вырос более чем в два раза: на регулярной основе кузнецкие воеводы стали направлять на медеплавильное предприятие по 60 служилых, в случае необходимости – еще 40, т.е. фактически посылалось до 100 человек⁷ [17, с. 24–25]. В зависимости от занятости на предприятиях А. Н. Демидова и ряда других факторов в район Бийской крепости в статусе годовальщиков переводилось от 35–40 до 100 и более человек.

Экстраординарные командировки были связаны в первую очередь с возведением военно-оборонительных укреплений. Так, на сооружение первого Бикатунского острога было мобилизовано не менее 300 человек [9, с. 15]. Следует учитывать, что служилый элемент составлял пусть и весомую, но все же часть таких отрядов. Например, по данным В. Б. Бородаева и А. В. Контева, в распоряжении возглавлявшего команду строителей Белоярского острога Ивана Максюкова оказалось «150 служилых людей "ис Кузнецка", 10 абинских татар», т.е. в общей сложности 160 служилых людей, которые дополнялись «подгородними» выездными белыми телеутами, беломестными казаками и оброчными людьми из Бердского и Мунгатского острогов [16, с. 219].

Важным показателем завершения оформления целостности служилого корпуса региона выступают коллективные челобитные. С одной стороны, они являются довольно большой редкостью для архивов Кузнецкого уезда первой половины XVIII в., что обуславливается не только спецификой отложения материалов, но и снижением роли таких

документов при решении вопросов организации и распределения войск в управленческом процессе и дискурсе начала столетия [25, с. 20–21]. С другой – в этот период практика подачи коллективных челобитных еще не превратилась в очевидный рудимент административной коммуникации, они остаются ценным источником по истории взаимоотношений региональных и местных властей со служилым миром Сибири в раннеимперский период.

Такие «прошения» в среде локальной служилой корпорации в основном были связаны с организацией команд на береговую службу и подавались одним или двумя выборными челобитчиками от лица той или иной группы. В частности, в ноябре 1730 г. 18 служилых людей уезда подписались под коллективным обращением с просьбой пересмотреть установленный порядок организации охраны Кольвано-Воскресенских заводов, по которому вся тяжесть и ответственность за безопасность предприятий ложилась на плечи исключительно кузнецкого служилого корпуса (в предыдущие несколько лет «нагрузка» распределялась примерно поровну между Кузнецким и Томским уездами) [17, с. 24–25]: «бутто мы, раби Ваша (подданные Ея Императорского Величества – прим. автора) ни на каких постах не стоим». Челобитчики пытались реставрировать существовавший ранее порядок и / или сократить период нахождения иррегулярных подразделений в окрестностях производств до 3–4 месяцев⁸. Другая коллективная челобитная была составлена спустя почти два года, в сентябре 1732 г., но также напрямую была связана с охраной объектов Кольвано-Воскресенского ведомства. Пятидесятник Яков Серебренников жаловался временно замещавшему должность воеводы П. А. Мельникову на то, что срок назначенной службы (полгода) истек, а сменной команды не направлялось: «ныне желаем мы, ... чтобы нас с Кольвани сменил, и о том все покорно просим, дабы повелено было в Кузнецкой канцелярии ... к нам служилых людей отправить на стоику»⁹.

Служилые люди Кузнецка пытались снизить возложенную на них нагрузку по охране периферийных районов уезда не только с помощью челобитных. Имели место и факты открытого саботажа служебной деятельности. В 1730 г. Федор Крячиков доносил воеводе, что приказчик Бийской крепости Степан Везигин отпустил 23 командированных в округу на службу «са всятку в дома свои»¹⁰. Подобные явления были характерны и для служилых корпораций соседних уездов, например, находившиеся в Таре и окрестностях иррегулярные военные могли на некоторое время самовольно оставлять назначенные им службы, нанимали вместо себя посторонних, представителей тягловых сословий [3, с. 77].

⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–5 об.

⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 27.

⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12 об.; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 52. Л. 5–5 об.

⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33–34.

⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.

Численность кузнецкого служилого корпуса и вопросы его подведомственности

Численность кузнецких служилых людей на протяжении первой половины XVIII в. не оставалась стабильной и ощутимо уступала показателям соседних административных единиц. А. Ю. Огурцов отмечает, что своего максимума количественный состав корпуса достиг в 1724 г. – 576 человек [11, с. 7]. К 1729–1730 гг. на службе в уезде состояло 530 людей «старых служб»¹¹, что было относительно сопоставимо только с Нерчинским уездом (в 1725 г. – 551 служилый элемент). Для сравнения: в Тарском уезде в этот же период времени штат составлял 705 служилых [3, с. 79], в Иркутском – 901 [2, с. 54], а в Томском к концу первой трети столетия – 900 человек¹². Количественные параметры корпуса следует анализировать в контексте распределения служб: 30 служилых людей обеспечивали доставку казенных денег и соли из Тобольска, еще 15 занимались сбором ясака в соответствующих волостях, на «заставах» находилось 20 человек. Наибольший удельный вес в составе кузнецкой служилой корпорации занимали командированные в округи Бийской крепости и колыванских заводов. Остальные, т. е. примерно половина от общего состава, со слов самих людей «старых служб», дислоцировались в уездном центре и исполняли полицейскую и военную функции, обязанности таможенных и соляных голов и т. д.¹³ В данном случае важно учитывать, что в первой половине XVIII в. тенденция активного участия служилых людей в функционировании местных органов и учреждений была характерна для всей Сибири [7, с. 32]. Остается добавить, что примерно в это же время гарнизон одного Иркутского острога насчитывал 450 человек [2, с. 54].

С начала 1730-х гг. начинает все более выпукло проявляться курс на сокращение численности служилой корпорации Кузнецка. Среди многих других причин, это связано в том числе и со стремлением губернского центра сосредоточить у себя контроль за верстанием в службу и отставками некоторых категорий иррегулярного войска на территории Тобольской и Енисейской провинций [7, с. 30]. В 1733–1734 гг. штатным расписанием предусматривалось наличие в Кузнецком уезде 500 служилых людей, 328 (65,6 %) из которых были командированы на окраины для несения различных служб (в первую очередь береговой), в том числе 78 отправлены с различными целями за пределы административной единицы (в губернский центр, иные крупные города, например Тару), 172 (34,4 %)

находились в Кузнецке, из них 80 на постоянной основе были задействованы в караулах или замещали должности низшего административного ранга и самоуправления¹⁴. Таким образом, на фоне нестабильной военно-политической обстановки и сохранявшейся угрозы нападения ойратов численность гарнизона уездного центра за несколько лет сократилась более чем на четверть, только 92 служилых человека (18,4 %) могли быть оперативно задействованы местными властями для решения той или иной управленческой задачи.

Обозначившийся дефицит людских ресурсов для организации охраны сибирских границ к середине 1730-х гг. стал настолько очевидным, что подтолкнул центральные власти к созданию Новоучрежденного драгунского полка и Тобольского пехотного батальона [27, с. 98–108]. Избранный политический курс предполагал интеграцию значительной части служилых людей как в эти, так и иные воинские соединения. В 1738 г. в округу Бийской крепости было переведено первое регулярное подразделение – возглавляемая поручиком Петром Фадеевым рота драгун, а также 50 кузнецких служилых людей во главе с пятидесятником Тимофеем Бессоновым [12, с. 46–47; 14, с. 60–61; 27, с. 109]. Спустя несколько месяцев в этот же район были переброшены основные силы под командованием майора Якова де Граве. Из рапортов командиров частей видно, что в составе драгун значились, например, Иван Жеребцов и Дмитрий Вагин – лица, еще за несколько лет до этого входившие в состав служилого корпуса (так, И. Жеребцов упоминался в качестве подьячего Малышевой слободы и «копейста» в документах 1733 и 1734 г. соответственно)¹⁵. Кроме того, П. Фадеев доносил: «да при... команде имеюцца служилые: пятидесятник один, служилых дватцать четыре, итого дватцать пять человек, ... в том числе... пешие три человека, а всего во оной крепости (Бийской – прим. автора) при команде шесдесят семь человек»¹⁶.

Региональные административные процессы оказали прямое влияние на численность кузнецкого служилого корпуса. Если к 1735 г. произошло незначительное повышение количества состоявших на службе в уезде до 530, что равнялось всего лишь 6 % от общего состава русской служилой корпорации Сибири (8532 человека) [26, с. 23, 25], то уже через несколько лет, в конце 1730-х гг., наблюдалось кратковременное, но ощутимое сокращение уездного служилого корпуса. По штатам 1737 г. предусматривалось наличие в Кузнецке и окрестностях 5 дворян, 25 детей боярских, 219 конных казаков и 146 пеших, т. е. в общей сложности 395 русских

¹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33 об.

¹² Данные приводятся по оценке самих кузнецких служилых людей. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33 об. По сведениям А. С. Зуева, к 1735 г. томский служилый корпус насчитывал 600 человек [26, с. 25].

¹³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33–33 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 15–17; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

служилых людей [26, с. 25]. Текущее расписание оставалось актуальным вплоть до конца десятилетия, в 1739 г. в уезде предполагалось размещение 415 иррегулярных военных (с учетом 20 служилых татар)¹⁷. Сама воеводская канцелярия при ответе на анкеты В. Н. Татищева заявляла о нахождении на службе в начале 1740-х гг. 4 дворян, 23 детей боярских, 230 конных казаков, 142 пеших и 20 служилых татар, т. е. в общей сложности 419 человек [23, с. 173]. В своей совокупности эти данные заставляют критично относиться к высказанным А. Ю. Огурцовым предположениям о сокращении численности «кузнецких казаков» в 1736–1738 гг. почти вдвое (в реальности – лишь около 22 %), а также о сохранении паритета «между конницей и пехотой на протяжении долгих лет в Кузнецке» [11, с. 5–7]. Следует констатировать, что во второй четверти XVIII в. наблюдалось постепенное, но очевидное увеличение доли конных военных в структуре корпорации. Дальнейший постепенный пересмотр штатной численности казачьих команд Сибири в целом и Кузнецкого уезда в частности продолжился в середине XVIII в. [26, с. 24].

Фактическое распределение корпуса иррегулярных военных по службам позволяют установить черновые варианты доношений Кузнецкой воеводской канцелярии генерал-майору Христиану Христиановичу Киндерману конца 1745 – начала 1746 г.: «При городе, и в острогах и слободах у разных дел, и на станциях, и у отпусков и подрядов, и у покупки провианта, и за збором в расные места ясака, и посланных в Тобольск, бывших у приходов и расходов за счетными выписками и за денежною казною, и в разных местах на заставах» дворянина – 3, детей боярских – 19¹⁸, конных казаков – 103, чуть меньше пеших, кроме того, 53 конных и 43 пеших казака дислоцировались в Колывано-Воскресенских заводах (в том числе один барабанщик)¹⁹.

К середине 1740-х гг. все более очевидным образом начинает проявляться стремление воевод сохранить за собой контроль над служилыми людьми, препятствовать его передаче военно-ведомственным властям. Главы уезда настаивали на нехватке служилого элемента для выполнения регулярных работ (транспортировка провианта в укрепления Верхнего Приобья и Прииртышья, заготовка леса для строительства зданий) даже в самом Кузнецке: «и тако оных казаков за лишком никаго не имеетца, того ради за недовольствием наличных служилых не токмо достойный карау[л] при городе кем содержать, но и на работы к рагаткам и надолбам и протчим некова»²⁰. Следует, однако, учитывать, что реальная социально-административная картина была не такой мрачной: в уезде к 1745 г. числи-

лось 410 иррегулярных военных, т. е. 98,8 % от штатного расписания 1737 г., до полного укомплектования не доставало по одному дворянину, сыну боярскому, конному и пешему казаку, служилому татарину²¹.

В этом свете любопытно посмотреть, какая доля от общего количества служилого корпуса к 1745–1746 гг. была фактически не доступна воеводам для организации регулярных и экстраординарных служб. К числу таких, безусловно, стоит отнести 99 казаков, находившихся в пределах бывших заводов А. Н. Демидова (96 занимались непосредственно охраной производств, и еще трое контролировали таможенные сборы и расход соли). Дело в том, что после резкого обострения ситуации в междуречье Чарыша и Алея, вызванного джунгарским набегом на Чагырский рудник 1744 г., командир «кузнецких» рот Новоучрежденного полка на постоянной основе был переведен в окрестности колыванских предприятий, сосредоточив у себя реальный административный контроль в том числе над иррегулярными соединениями, привлеченными к охране производств [18, с. 12–13].

Итак, около 24 %, т. е. примерно четверть, корпуса кузнецких служилых людей перешли под фактическое управление военно-ведомственных властей. Помимо обязательных командировок в окрестности колыванских заводов, трое иррегулярных военных находились под арестом (один – в Тобольске и двое – в Кузнецке), восемь были больны. Таким образом, в середине 1740-х гг. воеводы не могли распределять на службы в пределах уезда в общей сложности 26,8 % от числившихся и 26,5 % от штатного расписания, т. е. более четверти номинально подконтрольных им служилых людей, данная часть корпуса была фактически «выключена» из решения оперативных административных задач. Это обстоятельство является важным проявлением усиления позиций военных структур в управленческом многоугольнике *гражданские – ведомственные власти* на юге Западной Сибири в XVIII в., которое пока в недостаточной степени раскрыто специалистами.

Сложившуюся ситуацию воеводская канцелярия пыталась разрешить несколькими способами. Сначала она стремилась вернуть под свой фактический контроль хотя бы половину из 96 казаков, дислоцировавшихся в окрестностях колыванских предприятий и находившихся в распоряжении военных властей. В качестве аргумента назывался высокий уровень безопасности горнорудного производства, которое охранялось регулярными частями и «еицкими» казаками. Но, видимо, осознав отсутствие реальных перспектив этой идеи, глава кузнецкой администрации

¹⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 24 об.

¹⁸ Еще по одному дворянину и сыну боярскому значились умершими.

¹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 24 об.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 26–27 об. По другим данным, приведенным в рапорте И. Борисова, общее число иррегулярных военных в Кузнецком уезде составило 395 человек, однако в данном случае, по всей видимости, не были учтены служилые татары. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 27.

Яков Мирович в середине 1746 г. вынашивал планы обращения к Х. Х. Киндерману с просьбой разрешить задействовать в ремонтных работах дислоцировавшихся в уездном центре драгун и солдат, что означало бы установление (а фактически реставрацию) воеводской властью частичного контроля над регулярными военными²².

В свою очередь командиры регулярных соединений периодически требовали от кузнецких воевод переброски в приграничные районы дополнительных команд служилых людей. Например, в 1747 г. Я. Павлуцкий понуждал главу уезда отрядить на формируемую Колывано-Кузнецкую оборонительную линию дополнительно более 100 служилых, «собрав ис ненужных, отправить, дабы тамошняя пограничная волость... безлюдна не была». При этом, по данным самого полковника, к сентябрю 1747 г. количество как регулярных, так и иррегулярных военных, дислоцировавшихся непосредственно в самом Кузнецке, составило 34 (по расписанию – 47)²³. Даже если допустить, что все учтенные в данном случае – иррегулярный контингент, за год численность таких войск, размещавшихся в самом уездном центре, уменьшилась более чем в два раза (в 1746 г. было 75).

Изменения в дислокации и административном подчинении служилого корпуса Кузнецкого уезда во второй половине 1740-х гг. были вызваны прежде всего становлением оборонительных линий в междуречье Оби и Иртыша, а также связанным с ним форсированным насыщением этих районов регулярными воинскими соединениями. К концу 1747 г. переход кузнецких служилых людей под юрисдикцию военных властей почти полностью завершился. Павлуцкий в промемории в воеводскую канцелярию был довольно категоричен на это счет: «по укасом Ея Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии состоящие по здешню Иртышской, так же Кузнецкой и Колыванской линиям военные регулярные и нерегулярные, команды крепости, фарпосты и станцы поручены все в ведение мое, а по силе тех неоднократных его превосходительства ордеров... регулярных драгунских пехотных команд и *нерегулярных городовых, и выписных казаков* (курсив наш – прим. автора) без определения от Его Превосходительства (генерал-майора Х. Х. Киндермана – прим. автора) и без ведома моего в отлучки, и в командирования, а особливо нерегулярные, и в отпуски Кузнецкая воеводская канцелярия не командировала»²⁴. После этого уездные власти сохранили минимальные полномочия в сфере комплектования иррегулярного войска и распределения его

на посты. С начала 1740-х гг. право верстания к службе осталось у сибирских воевод только в отношении пеших казаков (и солдат регулярных подразделений) [7, с. 30–31]. В Кузнецком уезде к этому добавлялся контроль за перемещениями «выписных» казаков из Белоярского острога, Малышевой слободы и других округ в узловых центрах дислокации регулярных команд²⁵.

Заключение

Служилая корпорация Кузнецкого уезда на протяжении первой половины XVIII в. пережила кардинальные трансформации. В структуре направлений профессиональной деятельности наибольший удельный вес сохранился за регулярными командировками в приграничный район для береговой службы (охраны административных и промышленных объектов от набегов ойратов) и экстраординарными – для строительства новых укреплений. Служилый мир пытался различными путями уменьшить возлагавшуюся на него должностную нагрузку. На протяжении второй четверти столетия наблюдалась устойчивая тенденция сокращения штатного расписания и фактической численности иррегулярного контингента уезда (наиболее высокие темпы наблюдались в конце 1730-х гг.), причем как командированного на окраины, так и дислоцировавшегося в самом Кузнецке. К середине 1740-х гг. в результате масштабных изменений в административной системе региона ведущей тенденцией в эволюции кузнецкого служилого корпуса стала его двухсторонняя интеграция в регулярные воинские институты: она проявлялась как в переходе иррегулярного элемента на службу в регулярные подразделения, так и в почти полном сосредоточении фактического контроля над оставшимися служилыми людьми в руках военно-ведомственных структур.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Работа поддержана средствами программы развития Алтайского государственного университета «Приоритет-2030».

Funding: The work was supported by the Priority-2030 program for the development of the Altai State University.

²² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 302. Л. 28–28 об.

²³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 309. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 8–8 об.

²⁵ Там же. Л. 11.

Литература / References

1. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с. [Nikitin N. I. *Service class people in Western Siberia of the XVII century*. Novosibirsk: Nauka, 1988, 254. (In Russ.)] EDN: ROJLVR
2. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 320 с. [Leont'eva G. A. *Service class people of Eastern Siberia in the second half of the XVII and the first quarter of the XVIII centuries (based on documents issued in Irkutsk and Nerchinsk provinces)*. Moscow: MPSU, 2012, 320. (In Russ.)] EDN: QPWERP
3. Пузанов В. Д. Тарский уезд и его служилые люди в первой трети XVIII в. *Вестник Нижневартовского государственного университета*. 2019. № 3. С. 72–81. [Puzanov V. D. Tarsky district and his employees in the first third of the XVIII century. *Bulletin of Nizhnevarтовsk State University*, 2019, (3): 72–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/10>
4. Пузанов В. Д. Служилые люди Тобольска на «береговой службе» Сибири. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 5. С. 37–40. [Puzanov V. D. Military people from Tobolsk on service in Siberia. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2015, (5): 37–40. (In Russ.)] EDN: WEZOKT
5. Багрин Е. А. Гарнизон Иркутска в конце XVII в.: к вопросу об увеличении штата служилых людей. *Известия лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 94–111. [Bagrin E. A. Irkutsk garrison at the end of XVII century: the issue of increasing of warriors' staff. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2021, 17(2): 94–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-94-111>
6. Солодкин Я. Г. Служилые люди Берёзова в конце XVI – первой трети XVII века: источники формирования и состав гарнизона. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Т. 8. № 4. С. 9–16. [Solodkin Ya. G. Service class people of Berezov at the end of XVI and the first third of the XVII century: sources of formation and structure of the garrison. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, 8(4): 9–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.8401>
7. Ананьев Д. А. Служилые люди в системе местного управления Сибири (первая половина XVIII в.). *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2018. № 4. С. 29–33. [Ananyev D. A. Service class people in the system of local government of Siberia (first half of XVIII century). *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2018, (4): 29–33. (In Russ.)] EDN: ESXHQB
8. *Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.*, отв. ред. И. П. Каменецкий. М.-СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с. [Service class people of Siberia in the late XVI and the early XVIII centuries, ed. Kamenetskiy I. P. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, 992. (In Russ.)] EDN: ZKMUQX
9. Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости. *Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма)*, отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул: АГУ, 1986. С. 3–24. [Bulygin Yu. S. The Russians' exit to the river Biya and foundation of the Bikatun Fortress. *Cities of Altai (the era of feudalism and capitalism)*, ed. Skubnevskiy V. A. Barnaul: ASU, 1986, 3–24. (In Russ.)]
10. Уманский А. П. Кузнецк и Алтайские остроги. *Кузнецкая старина*. 1999. Вып. 3. С. 3–17. [Uanskii A. P. Kuznetsk and Altai fortifications. *Kuznetskaia starina*, 1999, (3): 3–17. (In Russ.)] EDN: ZGDGVD
11. Огурцов А. Ю. Кузнецкий гарнизон. *Кузнецкая крепость*. 2004. № 1. С. 4–11. [Ogurtsov A. Yu. The Kuznetsk garrison. *Kuznetskaya krepost*, 2004, (1): 4–11. (In Russ.)]
12. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии. *Кузнецкая старина*. 2007. Вып. 9. С. 40–67. [Ogurtsov A. Yu. On the Kuznetsk line. *Kuznetskaia starina*, 2007, (9): 40–67. (In Russ.)]
13. Исупов С. Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск: БГПИ, 1999. 151 с. [Isupov S. Yu. *Biysk: stockaded town, fortress, and town*. Biysk: BSPI, 1999, 151. (In Russ.)]
14. Исупов С. Ю. Крепость Бийская – есть главная... Барнаул: Азбука, 2009. 302 с. [Isupov S. Yu. *The Fortress of Biysk is the most important one...* Barnaul: Azbuka, 2009, 302. (In Russ.)]
15. Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: (опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Омский институт РГТЭУ, 2005. 338 с. [Kamenetskiy I. P. *Russian population of the Kuznetsk province in the XVII and the early XVIII centuries: (Life experience in the conditions of the frontier of Southern Siberia)*. Omsk: Omsk institut RSTEU, 2005, 338. (In Russ.)] EDN: QPDKYV
16. Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720-х гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 415 с. [Borodaev V. B., Kontev A. V. *The formation of Russian state border in Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720*. Barnaul: AltSPU, 2015, 415. (In Russ.)] EDN: UITKTK

17. Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. С. 23–29. [Bobrov D. S. The Kolyvan factories in the policy of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 23–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-23-29>
18. Бобров Д. С. Взаимоотношения гражданских и ведомственных военных властей в Кузнецком уезде в начальный период административных преобразований середины XVIII в. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 4. С. 9–15. [Bobrov D. S. Relationship between civil and departmental military authorities in Kuznetsk Uyezd at the early stage of administrative transformations in the mid XVIII century. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2019, 26(4): 9–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/HSS20190402>
19. Чурсина А. А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности (на материалах Томского и Кузнецкого уездов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 253 с. [Chursina A. A. *Changing the estate status of service people in Western Siberia and their descendants in the process of economic activity: materials of the Tomsk and Kuznetsk districts*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2012, 253. (In Russ.)] EDN: QFYBHB
20. Чурсина А. А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.). *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 288. С. 113–117. [Chursina A. A. The role of the service men of Western Siberia in the development of trade (by the materials of the customs books of the XVII century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, (288): 113–117. (In Russ.)] EDN: KGBIMH
21. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: АлтГУ, 1996. 227 с. [Ivonin A. R. *Urban Cossacks of Western Siberia in the XVIII – first quarter XIX century*. Barnaul: ASU, 1996, 227. (In Russ.)] EDN: MJSNOT
22. Ивонин А. Р., Колупаев Д. В. Казаки на Алтае в XVIII–XIX столетиях: исторические очерки. Барнаул: АГИК, 2003. 155 с. [Ivonin A. R., Kolupaev D. V. *Cossacks in the Altai in the XVIII–XIX centuries: historical essays*. Barnaul: ASIC, 2003, 155. (In Russ.)] EDN: QOSVUF
23. *Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х гг. (по анкетам В. Н. Татищева)*, ред. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб.: Европейский дом, 2010. 260 с. [Historical and geographical descriptions of Top Ob and Irtysh Valleys in 1730s–1740s (based on V. N. Tatishchev's questionnaires), eds. Borodaev V. B., Kontev A. V. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2010, 260. (In Russ.)] EDN: XYCUUF
24. Бобров Д. С. Экспедиции П. А. Мельникова в предгорья Алтая 1733–1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье. *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: мат.-лы Всерос. молодеж. науч. школы-конф. (Новосибирск, 25–27 августа 2016 г.)* Новосибирск: Апелсин, 2016. С. 20–27. [Bobrov D. S. P. A. Melnikov's expeditions in the Altai foothills in 1733–1734 in the context of the formation of the Russian state border in the Upper Ob-Irtysh. *Actual problems of historical research: the view of young scientists*: Proc. All-Russian youth Sci. School-Conf., Novosibirsk, 25–27 Aug 2016. Novosibirsk: Apelsin, 2016, 20–27. (In Russ.)] EDN: WZHJVF
25. Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с. [Akishin M. O. *Police state and Siberian society. The era of Peter the Great*. Novosibirsk: Avtor, 1996, 223. (In Russ.)]
26. Зуев А. С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 года. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2007. Т. 6. № 1. С. 22–27. [Zuev A. S. Regular reform of the Siberian Cossacks in 1737. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2007, 6(1): 22–27. (In Russ.)] EDN: NYHZQF
27. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с. [Dmitriev A. V. *Russian regular army in Siberia (1725–1796): special aspects of military service in the eastern outskirts of Russian Empire in the XVIII century*. Moscow-St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 528. (In Russ.)]